

Г. В. ЕРМАКОВА-БИТНЕР

ЗАХАРИЙ АНИКЕЕВИЧ ГОРЮШКИН — ВОСПИТАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА

За последние годы в ряде работ советских исследователей было уделено большое внимание вопросу о формировании отдельных элементов декабристской идеологии в период, предшествовавший Отечественной войне 1812 года.¹ В преддекабристскую эпоху шла кипучая идейная работа, и многие, завоевания передовой мысли предшествующих поколений стали боевым оружием будущих борцов против самодержавия — декабристов. Однако еще недостаточно изучены разнообразнейшие проявления глубокой идейной связи, существовавшей между концом XVIII века и первыми двумя десятилетиями XIX-го, периодом, когда оформлялось мировоззрение дворянских революционеров.

На значение этого периода указал В. И. Ленин, отметив, что именно с конца XVIII века, с 1789 года, и началась «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений».²

Круг распространения просветительских идей в России был широким, и, помимо таких крупных фигур, как Радищев, Новиков, Фонвизин, чьи взгляды оказали большое влияние на формирование мировоззрения будущих декабристов, были еще многие, испытывавшие на себе влияние идей века Просвещения, кто теми или иными путями пропагандировал эти идеи. Зачастую это были люди скромные, порою незаметные, но и они

---

¹ См., например: М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок А. Муравьева и И. Бурцева 1814—1817 гг. Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951; М. В. Нечкина. Движение декабристов. М., 1955, т. 1; В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Москва, 1953

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 126

внесли свой вклад в дело постепенного расшатывания феодально-крепостнических устоев царской России.

К их числу в первую очередь принадлежит ряд профессоров Московского университета, чья деятельность является одним из проявлений живой связи, установившейся между XVIII столетием и новым веком, первая четверть которого ознаменовалась днем 14-го декабря.

Об отношении царского правительства и его усердных слуг к профессуре Московского университета говорит одно любопытное свидетельство декабриста Михаила Фон-Визина: «Когда в первую французскую революцию известный массон и содержатель типографии Новиков и московские массонские ложи были подозреваемы в революционных замыслах, ген.-губер. князь Прозоровский, преследуя массонов, считал сообщниками или единомышленниками их всех служивших в то время в «московском» университете, а П. И. Фон-Визин был тогда его директором...»³

Хотя, конечно, в этом утверждении М. А. Фон-Визина и содержится некоторая доля преувеличения, потому что среди московской профессуры было немало «верноподданных», о чем должен был знать Прозоровский, но все же эти слова М. А. Фон-Визина заслуживают серьезного внимания. Не случайным был взгляд Прозоровского на университетских профессоров как на «вольнодумцев», потому что действительно в Московском университете многие педагоги были близки по своим взглядам к Новикову и сочувствовали ему.

Одним из профессоров Московского университета, который в своей деятельности руководствовался рядом принципов, выработанных русскими просветителями, был Захарий Аникеевич Горюшкин, «профессор российского практического законоискусства».

Около 25 лет своей жизни посвятил он воспитанию русского юношества.⁴ На всей его деятельности, на его взглядах лежит отчетливая печать XVIII века, когда он сформировался как личность, как ученый, как воспитатель юношества, и в своих, вышедших в XIX веке, трудах он высказал заветные мысли об

³ М. А. Фон-Визин. Обзорение проявлений политической жизни в России. В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I, Декабристы. Статьи и материалы, сост. В. И. Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905, стр. 127—128

⁴ По приглашению директора Московского университета П. И. Фон-Визина Э. А. Горюшкин начал 1 января 1786 года преподавание практического законоведения в Московском университете, а позже, с 1790 года, стал преподавать и в Благородном пансионе при Московском университете. Уволен от службы Горюшкин был 10 февраля 1811 года.

идеале человека, сложившиеся у него в «осмнадцатом столетии».

В речи 12 января 1834 года, в торжественном собрании Московского университета, адъюнкт Ф. Л. Морошкин оценил значение трудов профессора Горюшкина для развития русской юриспруденции и назвал его русским народным юриспрудентом, который был одарен гением терпения и постоянства на сужденном ему поприще, и явился первым систематическим юриспрудентом России.⁵ Однако в последующем ни личность профессора Горюшкина, ни его труды не привлекли к себе должного внимания и не были достаточно изучены.⁶ Объясняется это в первую очередь характерной для многих буржуазных исследователей недооценкой роли и значения русских ученых, первых профессоров Московского университета.

Морошкин хорошо сказал об учителе Горюшкина С. Е. Десницком, что «ему недоставало только читателей и иностранного имени»⁷ для того, чтобы стать рядом с Монтескье, Блэкстоном и другими знаменитыми юристами XVIII столетия. Мы встречаемся с недооценкой роли и значения русских ученых — первых профессоров Московского университета — не только в XVIII веке, когда в Московском университете было сильно влияние профессоров-иностранцев, но эта недооценка наложила свой отпечаток и на многие работы буржуазных исследователей в XIX веке и начале XX-го.

Судя по трудам Горюшкина, он был хорошо знаком с работами современных ему европейских юристов, философов. Идеи Монтескье, Беккариа оказали известное воздействие на него, но, вместе с тем, ему была присуща характерная для всех русских просветителей принципиальная самостоятельность, оригинальность мышления.⁸ Горюшкин строил свои выводы, исходя из своеобразия русской действительности. Не случайно, что он первый в России показал источник юриспруденции в нравах, обычаях и пословицах русского народа. Захарий Аникеевич Горюшкин ставил перед собой задачу участвовать в формиро-

⁵ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 233, 234.

⁶ Интерес к Горюшкину проявил лишь Н. М. Коркунов, о чем говорит его статья «З. А. Горюшкин, российский законоискусник» (СПб, 1895).

⁷ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 277.

⁸ Эту принципиальную самостоятельность Горюшкина отметил Н. М. Коркунов, полемизируя с И. М. Снегиревым: «Автор-самоучка вовсе и не считается с установившимися в современной ему юридической литературе воззрениями» (Н. М. Коркунов, ук. соч., стр. 31).

вании русской культуры, глубоко национальной, хотя и осваивавшей все завоевания передовой европейской мысли.

Но подобная самостоятельность мышления не всегда находила правильное понимание у буржуазных исследователей, зачастую воспринималась как «неученость». Вот, например, как охарактеризовал Е. И. Тарасов профессоров Московского университета тех лет, когда там учился Николай Тургенев: «... профессорский состав в то время не блистал крупными талантами: свои, доморощенные не были учены».⁹

Вместе с тем, в ряду профессоров Московского университета этих лет были такие, которых некоторые европейские ученые называли своими учителями.¹⁰

Одним из этих «доморожденных» русских ученых, незаслуженно забытых, чьи труды имеют сегодня право на серьезное изучение, является и профессор Горюшкин.

Горюшкин родился в очень бедной дворянской семье и с ранних лет поступил на службу. Биография его типичная для деятелей русского Просвещения, которые зачастую вырастали в нищете и пробивались к знанию, преодолевая громадные трудности.¹¹

Горюшкин, начавший гражданскую службу «с одним только обыкновенным понятием читать и писать по-русски»,¹² уже взрослым человеком, женатым, засел за учебники и в результате своей энергии и упорства впоследствии стал известен просвещенным кругам Москвы своими глубокими познаниями и опытносью в российском законоведении. По-видимому, решающую роль в его жизни сыграли выдающиеся русские просветители, профессора Московского университета Д. С. Аничков

⁹ Е. И. Тарасов. Детство и юность И. И. Тургенева. ЖМНП, 1915, август, стр. 222. Оценка, данная Тарасовым московской профессуре, распространяется, несомненно, и на Горюшкина, так как Н. Тургенев учился в пансионе при Московском университете в 1798—1806 годах, а в Университете в 1806—1808 годах, т. е. когда там преподавал Горюшкин. Александр Тургенев просто называет себя учеником профессора Горюшкина.

¹⁰ Например, Шлецер считал своим руководителем в русской истории профессора Х. А. Чеботарева, друга Новикова.

¹¹ З. А. Горюшкин родился 5 сентября 1748 года. Службу начал проходить с самых низших канцелярских степеней. В формулярном списке поступление на действительную службу копиистом в Сысской приказ датировано 5 ноября 1763 года (ЦГИАЛ, ф. 733, год 1811, оп. № 28, д. № 146, л. 5 об.).

¹² З. А. Горюшкин. Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания практического законоискусства. В кн. Руководство к познанию российского законоискусства, сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным, преподавателем сей науки в императорском Московском университете и Благородном пансионе, при нем учрежденном, переплет I, М., 1811, стр II.

и С. Е. Десницкий.¹³ С большой любовью и уважением вспоминает Горюшкин о Десницком как о своем учителе, чьи лекции помогли ему понять «суету одного практического изучения юриспруденции».

В биографии Горюшкина обращает на себя внимание то, что, несмотря на длительное пребывание на службе, он не был награжден орденом; с марта 1798 года, т. е. более 12 лет, все еще находился в чине коллежского советника, и лишь при увольнении из Университета ему был присвоен чин статского советника. Ушел он из Университета отнюдь не по своей воле, причем близкий к Университету чиновник М. П. Третьяков отмечает в своих воспоминаниях, что Горюшкин был уволен попечителем П. И. Голенищевым-Кутузовым преждевременно и несправедливо.¹⁴ Действительно, не вызывает доверия мотив увольнения Горюшкина, как имеющего «слабую грудь и непрестанную одышку».¹⁵

Некоторые обстоятельства жизни Горюшкина рисуют нам его как человека, который не считал возможным в угоду начальству менять свою точку зрения и в своей деятельности руководствовался рядом принципов, выработанных русскими просветителями. Чрезвычайно характерна в этом отношении защита З. А. Горюшкиным в Московской уголовной палате, ассесором которой он состоял с 25 ноября 1792 года по 10 августа 1795 года, книгопродавцев, причастных к делу Новикова. Вот что пишет по этому поводу И. М. Снегирев, бывший учеником Горюшкина: «Спор его (Горюшкина, — Г. Е. -Б.) с главнокомандующим князем Прозоровским по делу Новикова в Уголовной палате обнаружил в Горюшкине гражданское мужество; один опирался на личное мнение императрицы, а другой на силу закона и не убоился гнева и угроз сильного вельможи, желавшего угодить государыне обвинением Новикова».¹⁶ Снегирев ошибся: ¹⁷ дело Новикова не было в Уголовной палате, Горюшкин защищал лишь книгопродавцев, у которых были найдены запрещенные к продаже книги, изданные Новиковым. Но важна сама возможность подобной ошибки, говорящая

¹³ О значении для Горюшкина его сближения с Аничковым и Десницким говорит И. М. Снегирев («Русский архив», 1866, IV—V, стр. 759).

¹⁴ «Русская старина», 1892, № 7, стр. 127.

¹⁵ Донесение Голенищева-Кутузова графу Разумовскому (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 28, д. № 146, л. 1).

¹⁶ Дневник Ивана Михайловича Снегирева и его воспоминания, II, М., 1905, стр. 290—291.

¹⁷ Эта ошибка была отмечена Н. М. Коркуновым в его работе «З. А. Горюшкин, российский законискусник» (стр. 10)

нам о том, что личность Горюшкина в памяти современников связывалась с Новиковым.

Простые, неродовитые люди должны были отвечать за «преступление» — распространение книг, изданных Новиковым: мелкие купцы, купцы третьей гильдии (один лишь Никита Кольчугин был купцом второй гильдии), Переплетчиков, Глазуновы, Матвей и Василий, Полежаев, Козырев, Луковников, Вавилов, Заикин, Иванов, мещане Иван Шелковников и Алексей Телепнев, переплетчик Московского университета Никита Водопьянов, из солдатских детей.

Приговор по их делу судов нижней инстанции был чрезвычайно суров, но, смягченный в средней инстанции, он был еще более смягчен в Московской уголовной палате, что и вызвало гнев князя А. А. Прозоровского. Горюшкин вынес свое суждение о деле книгопродавцев, основываясь на законах о запрещенной торговле, а князь Прозоровский, в соответствии с желанием Екатерины II, хотел придать этому делу политический смысл. Он писал императрице, что считает голос Горюшкина несогласным с существом дела, важность которого состоит «в преступлении высочайших вашего императорского величества указов». На Горюшкина было оказано чрезвычайно сильное давление, но ничто не могло принудить его дать, уступая требованиям могущественного вельможи, какое-либо иное толкование законам, как писал Екатерине II Прозоровский: «А посему прокурор и в Уголовной палате ему, Горюшкину, замечания делал, наконец предложил палате диспут; а я... дал палате письменное предложение... но по непонятию ль или по упрямству его, Горюшкина, все сие не довольно было отвратить сего от несообразного к сему делу голоса». ¹⁸ Поэтому князь Прозоровский вынужден был в письменном предложении Палате сделать «должное замечание» Горюшкину и рекомендовать ему впредь мнения полагать «по точности дела и прямому разуму закона».

Когда читаешь гневное донесение кн. Прозоровского, постигаешь упорный характер русского юриста Горюшкина, считавшего своим патриотическим долгом защиту справедливости. Нельзя не вспомнить слов Милона, героя комедии Фонвизина «Недоросль»: «Судья, который, не убоясь ни мщенин, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах — герой». ¹⁹ Мы видим, что как Прозоровский,

¹⁸ П. П. Пекарский. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869, стр. 161—163 — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

¹⁹ Д. И. Фонвизин. Сочинения, СПб., 1893, стр. 97.

так и Горюшкин, оба опирались на «прямой разум закона», но как различно понимают они закон! Для Прозоровского, по существу, законом является повеление самодержца — желание Екатерины II, чтобы как можно строже были наказаны преступники. Горюшкин же, как мы можем судить по его «Руководству к познанию российского законоискусства», отрицал, чтобы любое царское повеление было равнозначно закону. В первой главе «Руководства» мы читаем, что закон всегда основывается на «народном умствовании», законы «суть, чрез что является соединенная народная воля», и никогда не может быть признано законом то, что явно противоречит соединенной народной воле и не способствует благоденствию государства, «хотя бы правитель торжественно такое издал повеление».²⁰

В полном соответствии с методом зашифровки, к которому часто прибегали просветители, Горюшкин порою ряд важных мыслей переносит в примечания, причем скрывается за другими авторами, которых он цитирует.²¹ К числу авторов, которых цитирует Горюшкин или на мнение которых он ссылается, принадлежит в первую очередь Монтескье. Большое внимание уделяет Горюшкин и идеям итальянского просветителя Беккариа, которого он называет неизвестным автором итальянской книги о штрафах и наказаниях:²² «Неизвестный автор итальянской книги о штрафах и наказаниях хотя точно и не толкует, какую вещь слово закон значит; однако ж из четвертой и пятой его статей догадаться можно, что он через закон разумеет действительное делам расположение по общей всех воле, чтоб быть им по сему когда их в действие производить надлежит».²³

²⁰ Руководство к познанию российского законоискусства, переплет 1-й, глава первая, стр. 7. «Переплетами» названы Горюшкиным тома, или части, книги.

²¹ Этого не понял Ф. Л. Морозкин, который в своей речи с оттенком иронии говорил о том, как Горюшкин приводит многочисленные определения «закона» (ср.: «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 234).

²² Не подлежит сомнению, что в данном случае имеется в виду именно Беккариа. Об этом свидетельствует то, что, говоря об определении автором закона, Горюшкин ссылается на «4-ю» и «5-ю» главы. И действительно, 4-я глава книги Беккариа посвящена «Толкованию законов», а 5-я — «Темноте законов»; см.: Руководство к познанию российского законоискусства, переплет 1-й, глава первая, стр. 6.

²³ Там же. Анонимность Беккариа у Горюшкина объяснима, потому что трактат Беккариа вышел в свет в августе 1764 года без означения места печати и имени автора. Не ясно лишь то, почему Горюшкин дает такой своеобразный перевод заглавия книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях», как бы не желая говорить о преступлениях, а имея лишь в виду возмездие за проступки. Не исключена возможность, что это опечатка.

Чрезвычайно любопытна самая обширная из приводимых Горюшкиным в первой главе его «Руководства» цитата из книги Юсти «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов». Для доказательства мысли, что не всякое повеление императора может быть объявлено законом, Юсти ссылается на примеры действий самодержцев, когда они употребляли свою власть во зло, для удовлетворения своих низменных страстей и прихотей. «Хотя Август, — цитирует Горюшкин Юсти, — прекраснейших жен из всего Рима приказывал к себе на носилках носить, не взирая на то, что мужья противиться тому не смели; хотя Альфонс, король португальский... по ночам с шайкою непотребных людей в Лиссабоне по улицам шатываясь, дельвал разные своевольства и продерзости; однако в таких случаях не можно их признать законодателями». Характерна концовка цитаты из Юсти, приводимая Горюшкиным, смысл которой сводится к тому, что если законы изъяснять волею монарха, а воля эта часто бывает несправедливою, то и нельзя требовать от подданных повиновения: «разуметь из того не возможно, в каких случаях подданные покоряться обязаны или нет».²⁴

Эта выдержка приведена Горюшкиным, конечно, потому, что в ней звучит протест против деспотизма самодержца, и не приходится сомневаться в том, что она отражает точку зрения самого Горюшкина.²⁵

В своем осуждении самовластия монарха Горюшкин не одинок. Таков был взгляд всех русских просветителей.²⁶

²⁴ Там же, стр. 7—8.

²⁵ Возникает еще и дополнительный вопрос — не привлекло ли соответствующее место из книги Юсти внимания Горюшкина еще и по той причине, что оно давало возможность провести прямую аналогию с современностью. Александра I называли не только «Российский Тит», но порою и «Август». Например, Александр Бестужев называет его так в своем «Подражании первой сатире Буало». «Наш Август смотрит сентябрем», — пишет Языков. Так что имя Августа могло быть воспринято как имя Александра. Женолюбие Александра I было известно. Читая соответствующую цитату из Юсти о развращенности Августа, современники могли понять ее и как намек на конкретные деяния российского Августа.

²⁶ Взгляд Горюшкина совпадает, например, со взглядом Фонвизина, который определял российский строй правления как деспотический, называл Россию деспотией, где произвол одного является законом верховным. Против неограниченной власти самодержца, чье повеление подменяло закон, выступал впоследствии декабристы. Известен смелый ответ Николая Бестужева царю Николаю I, когда тот сказал ему, что может его помиловать, если он станет верным слугой. Как пишет в своих записках Розен, Николай Бестужев ответил: «Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности» (А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 78).

Известный масон Иван Владимирович Лопухин, примыкавший к кружку Новикова, в своих записках рассказывает о том, что при производстве в Уголовной палате дела о книгопродавцах кн. Прозоровский требовал привлечения к судебной ответственности и Лопухина. Он, рассказывает Лопухин, «озлобил на одного искусного и хорошего судью, который ему доказывал, что обвинить меня никак не можно... Рассердился князь Прозоровский, выгнал судью, однако после велел оставить ревизию».²⁷

Горюшкин был близок к Лопухину по службе, и вполне вероятно предположение Н. М. Коркунова, что искусным судьей, которого выгнал Прозоровский, был Горюшкин.²⁸

Во всяком случае, даже из одного лишь донесения Прозоровского Екатерине II, цитированного выше, видно, как озлобил Горюшкин своим упрямством и прокурора Уголовной палаты и самого Прозоровского. И вряд ли будет особо смелым предположение, что нежелание Горюшкина считаться с мнением «власть имущих» могло иметь влияние на его дальнейшую служебную карьеру.

11 августа 1795 года он был переведен из Уголовной палаты в Казенную, а из нее 10 декабря 1796 года «по силе имянного указа государыни императрицы Екатерины Великой прикомандирован в Комитет, учрежденный для исследования происшествий по обоим воспитательным домам» правителем канцелярии.²⁹

Положение в воспитательных домах, учрежденных Екатериной II, привлекало к себе внимание страшно высокой детской смертностью, и Горюшкин как честный человек мог быть здесь полезен. Но, с другой стороны, чрезвычайно странным представляется то, что Горюшкина — блестящего юриста-практика — посчитали возможным и необходимым удалить от практической судебной деятельности, на которой он должен был бы быть в первую очередь использован.

25 мая 1797 года «по уменьшению членов в Казенной палате»³⁰ Горюшкин был оставлен при одном Университете. Быть может, кому-то надо было, чтобы чрезмерно строптивый юрист был лишен возможности активно воздействовать на судьбы простых людей, чьи дела ему приходилось разбирать.

²⁷ «Чтения Общества любителей истории и древностей», 1860, кн. 2, стр. 54.

²⁸ Н. М. Коркунов. З. А. Горюшкин, российский законоискусник, стр. 13.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 739, оп. 28, д. № 146, лл. 7—8.

³⁰ Там же.

Многие годы своей жизни посвятил Горюшкин созданию своего 4-томного «Руководства к познанию российского законоискусства», работы общим объемом в 2214 страниц «в большую четверть листа», о которой он сам говорит, что «сей труд есть полувековой плод усердного сына Отечества». «Руководство» Горюшкина — это первая в русской юриспруденции попытка обобщения русского законодательства. Горюшкин, частное лицо, осуществил работу, которая, по существу, должна была бы быть выполнена государственной комиссией, предпринял труд, по признанию многих, едва не превосходящий «частного человека силы и возможности».³¹ Не раз учреждавшиеся в России в течение XVIII века комиссии для составления нового уложения, деятельность которых не привела ни к каким результатам, все были очень обширны. Созданная, например, Петром I палата об уложении состояла из 70 человек.

В «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» С. Е. Десницкий говорил о том, что «уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие наставления всероссийских прав».³² Книга Горюшкина, ученика Десницкого, полностью отвечает этому требованию выдающегося русского юриста-просветителя. Это создание русского ученого-самоучки можно назвать подлинно патриотическим подвигом. Чтобы довести до конца этот титанический труд — собрать и свести в единую систему разбросанные, находящиеся в хаотическом состоянии, порою противоречащие друг другу русские законы и указы, надо было глубоко верить в то, что подобная книга очень нужна русскому народу. Можно предположить, что уверенность в полезности данного труда возникла и укрепилась в Горюшкине по мере прохождения им различных этапов его службы. В Сыском приказе, например, он становился свидетелем диких кровавых сцен, видел, каким жестоким пыткам подвергали простых русских людей, порою невинных. Он должен был на практике сталкиваться с тем, к каким страшным последствиям приводили судебная волокита, лихоимство судейских, неправильное, пристрастное толкование законов, а порою просто незнание их. Он узнавал российскую действительность, видел бесправие крестьян, мещан, и, вместе с тем, постигал русский характер, твердость и стойкость русского человека. И. М. Снегирев рассказывает, очевидно со слов самого Горюшкина: «Среди лютых пыток русской человек обна-

³¹ Э. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, Всеобщее обозрение книги (Предисловие), стр. II—III.

³² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 210.

руживал свое молодечество: при людях для него и смерть красна. В Сыском приказе от пытаемых Горюшкин слышал половицу: „терпи голова, в кости скована“». ³³

Созыв Комиссии по составлению нового Уложения не мог также не оказать своего влияния на предпринятую Горюшкиным работу.

Российские законы были жестоки и суровы, особенно по отношению к людям «низшего» и «среднего» состояния, но, вместе с тем, одним из требований, которое было выставлено в 1768 году крестьянскими депутатами в Комиссии по составлению нового Уложения, было строгое исполнение существующих законов. Настолько было велико царившее беззаконие, что крестьянин мог лишь мечтать о том, чтобы «блюстители порядка», а по существу угнетатели народа, хотя бы следовали существующим законам, пусть и плохим. Недаром Радищев говорил: «Закон, каков ни худ, есть связь общества».

Утверждение святости и нерушимости закона как гарантии от полного произвола — вот главная цель, которую преследует Горюшкин, делая попытку обобщить русское законодательство. Его деятельность в этом направлении полностью соответствует тем задачам, которые ставили перед собой русские просветители, такие, как Десницкий, Фонвизин, также считавшие необходимым бороться за строгую законность. ³⁴

Хотя, обобщая русское законодательство, Горюшкин вынужден был исходить, в основном, из существовавших тогда варварских законов, и это, конечно, ограничивало значение его работы, но уже одно то, что он постарался привести их в систему, напомнил о существовании многих забытых или неисполнявшихся законах, указал, что при противоречиях надо исходить из того, что последующими законами отменены предыдущие, ³⁵ — все это было для его времени прогрессивно. Ведь в соблюдении законности, в знании законов местной администрацией было в первую очередь заинтересовано русское крестьянство. Не только нарочитое нарушение законов, но и незнание их приводило зачастую к трагедиям. Вспомним главу «Городня» (из книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»), в которой путешественник разъясняет законы трем крестьянам,

³³ «Русский архив», 1866, IV—V, стр. 757.

³⁴ См., например С. Е. Десницкий Слово о способе к научению юриспруденции. В кн. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I, М., 1952, стр. 193—194, 198—199.

³⁵ Между прочим, именно этот принцип был впоследствии принят Сперанским при составлении «Свода законов».

которые проданы помещиком в рекруты. Он им объясняет, что в рекруты продавать людей нельзя, что им фактически от барина дана отпускная и, кроме того, продают их не в указное время и т. п.

Строгое соблюдение незыблемых законов и знание их просвещенными юристами было хоть, конечно, и половинчатым требованием, но все же одним из путей облегчения участи угнетенного народа.

Оценивая значение работ Горюшкина, надо учесть то, что на известном этапе своей деятельности, до того как встал непосредственно вопрос о вооруженном восстании, декабристы стремились к тому же, чего до них добивался профессор Горюшкин — помочь народу хотя бы в рамках существующего законодательства.

Яркие образцы этого дает, например, деятельность Н. И. Тургенева в Государственном Совете. Он говорит в своих дневниках о том, как «помог многим бедным крестьянам вырваться на свободу». ³⁶ Когда Рылеев стал работать заседателем в петербургской палате уголовного суда, а Пущин решил служить в присутственных местах, «где всякий честный человек может быть решительно полезен другим», ³⁷ какими средствами думали они помогать «другим», то есть народу? Тем, что они будут честны, справедливы в своих решениях, точны в следовании законам, нелицеприятны. То есть они решили осуществлять как раз ту программу, которую развертывает З. А. Горюшкин в своих книгах.

Конечно, когда вопрос касается крестьянства, безгласного перед законом, трудно порою различить, в каких случаях мы имеем дело только с незнанием законов, а когда с нарочитым грубым его нарушением. Против этой-то «безгласности» русского крестьянства и борется Горюшкин.

В своей работе «Мысли о составлении общества» Николай Тургенев так определил «значение или сущность истинного просвещения»: «Оно есть знание своих прав и своих обязанностей». ³⁸ На мой взгляд, Захарий Аникеевич Горюшкин и стремился в первую очередь именно к тому, чтобы все сословия знали свои права и обязанности. Именно такому

³⁶ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, см. напр. стр. 189.

³⁷ И. И. Пущин. Из показаний. В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, М., 1951, стр. 396.

³⁸ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, стр. 370. — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

принципу и подчинена его книга «Руководство к познанию российского законоискусства»; главные разделы в ней говорят о правах и обязанностях всех сословий. Он обращает внимание помещиков не только на их поистине неограниченные права по отношению к крестьянам, но и на их обязанности. Пытается он говорить и о «правах» крестьян. И хотя горькая ирония над судьбой угнетенного и обездоленного крестьянства заключена уже в самих словах «права рабов», но важна сама постановка этого вопроса, важно желание во времена вопиющего бесправия крепостного крестьянства заботливо собрать все, что говорит хотя бы о каких-то его правах.

Симпатии Горюшкина к простым людям, к крестьянству, стремление защищать его интересы наложили свой отпечаток и на вторую его книгу «Описание судебных действий», в которой он создал идеальные образы кристально-честных судебских чиновников, действующих только согласно закону. Справедливый суд, по мнению Горюшкина, должен был быть одним из путей улучшения жизни народа.

Хотя Горюшкин в своих книгах в основном вынужден исходить из существующего русского законодательства, он все же пытается придать ему более прогрессивный характер путем цитирования «Наказа» Екатерины II, ссылаясь на него как на фактический закон.

Вместе с тем, сама же императрица заявляла по поводу своего «Наказа»: «Я запретила на оный инако взирать, как единственно он есть, то есть, правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, и для того по делам не выписывать, яко закон...».³⁹ После прекращения деятельности Комиссии по составлению нового Уложения Екатерина II не любила вспоминать о своем «Наказе». Указом Сената «Наказ» вскоре после его появления был объявлен под запретом. «Наказом» могли пользоваться только высшие чиновники, и то по особому разрешению. Книга «Описание судебных действий» создана на основе практических занятий по юриспруденции, которые вел Горюшкин с воспитанниками университетского пансиона. И мы видим, что с 1790 года и позже, т. е. в период, когда во Франции происходила революция, а в России свирепствовала реакция, русский юрист Горюшкин воспитывает своих учеников на идеях просветительной философии, пропагандирующей идеи Монтескье, Беккариа, в свое время использованные Екатериной II в ее «Наказе».

³⁹ Записки императрицы Екатерины II об учреждениях, введенных в России в ее управление. Сб ИРИО, XXVII, 1880, стр 176 и сл

«Наказ» остался на бумаге, был неприятным для Екатерины II памятником ее «либерализма», но многие подданные русской монархини, делая вид, что им неизвестно ее отрицательное отношение к ее созданию, все время обращались к «Наказу». Ссылка на авторитет «Наказа», на «монаршую волю» была своеобразной уловкой для многих носителей передовой идеологии, которые ссылались на «Наказ» для того, чтобы не упоминать его источников.⁴⁰

Ученик Десницкого, Горюшкин подчиняет преподавание российского законоискусства историческому принципу. В «Биографическом словаре профессоров Московского университета» стремление Горюшкина преподавать науку российского законоведения исторически отмечено как важная заслуга первого преподавателя практического законоведения на Руси.⁴¹ Исторический принцип положен Горюшкиным и в основу его труда «Руководство к познанию российского законоискусства»: он дает в нем обзор российского законодательства с древних времен, приводит в своей книге древние памятники русского законодательства, показывает постепенное изменение ряда узаконений. Сравнение и сопоставление древних и современных законов, их изменяемость раскрывали перед читателями книги Горюшкина широкие возможности суждений о справедливости или несправедливости изменения того или иного закона. Впоследствии исторические параллели будут использованы

⁴⁰ Б. С. Ошерович. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М., 1946, стр. 79—80. Говоря о необходимости популяризации юридических знаний, Ф. В. Кречетов собирался якобы развить взгляды, выраженные Екатериной II в «Наказе» («Чтения в импер. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1899, кн. 1 (статья «Новое издание „Не всю и не ничево“». Журнал 1786 г.), стр. 16, 30). Известен иронический и смелый ответ Максима Невзорова Шешковскому во время допроса, когда Шешковский пригрозил, что императрица велела бить Невзорова поленом, если он не сознается, на что тот ответил, что не верит, чтобы создательница «Наказа» могла сказать подобное (см.: И. В. Лопухин. Записки. Лондон, 1860, стр. 63). Пнин, когда цензор нашел предосудительными его мысли о праве крестьян на собственность, утверждал, что все «истины», к данному предмету относящиеся, он почерпнул из «премудрого Наказа Великой Екатерины». В работе «О законоположении» Радищев ссылается на ряд статей «Наказа». На «Наказ» ссылались и декабристы. П. Г. Каховский в письме к Николаю I от 24 февраля 1826 года писал: «И кто из русских без умиления прочтет Наказ, ею данный; он один собой искупает все недостатки того времени и веку тому свойственные» (П. Г. Каховский. Письмо из крепости. «Декабристы», составил Вл. Орлов, ГИХЛ, М.—Л., 1951, стр. 506).

⁴¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, т. I. М., 1855, стр. 254.

декабристами для критики современной им действительности, строя царской России. В своей дневниковой записи от 13 февраля 1820 года Николай Тургенев, с ненавистью и презрением говоря о крепостниках в Государственном Совете и критикуя их действия, вспомнит запрещение Петра от 1721 года «продавать людей, как скотов»; члены же Государственного Совета «восстают против праха Петра Великого».⁴² Декабристы — Михаил Фон-Визин в своей работе «Обозрение проявлений политической жизни в России», В. И. Штейнгель в своих записках, как и ряд других, — критикуют самодержавно-крепостнический строй царской России, используя для этой цели исторические сопоставления, сравнивая разные исторические этапы в жизни русского народа.

Большой интерес к русской истории, присущий Горюшкину, как и другим русским просветителям — Десницкому, Новикову, диктовался общей для них задачей борьбы за построение национальной культуры.

Во второй главе «Руководства», озаглавленной «О начале и происхождении российских прав и законов», Горюшкин полемизирует с Татищевым, который считал «Русскую Правду» Ярослава древнейшим русским законом. Горюшкин утверждает, что слова летописца «поищем себе князя, иже бы володел нами и рядил по праву» указывают на то, что еще до призвания варягов в России существовало право, что новгородцы «сие право уже имели». В договорах с греками Горюшкин также находит ссылки на русские законы.

В книге Горюшкина есть ряд любопытных характеристик русского прошлого. Так, например, основываясь на летописях, он создает образ великого князя Святослава, храброго государя, который показывал своим воинам пример бесстрашия.

Отрицая право государя на то, чтобы единое его повеление служило основанием для закона, Горюшкин считает единственным государем, чьи повеления имели право на то, чтобы стать законами, — Святослава. Он основывает свое мнение на том, что речи-приказания Святослава (Горюшкин называет их «словесными законами») являлись повелениями «в делах, касающихся до пользы отечества». Святослав в своем призыве отдать жизнь за родину, но победить, в своем воззвании к патриотической гордости, чувству национального достоинства русских, выразил не только свое индивидуальное настроение, но и отра-

⁴² Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, стр. 222

зил чаяния всего русского народа.⁴³ Не приходится сомневаться в том, что, давая такую характеристику Святославу, Горюшкин тем самым говорит о своем идеале монарха. Рассказывая о призвании варяжских князей, Горюшкин подчеркивает, что «обитавшие тогда в России народы положили призываемым ими вручить над собою право, постановлять или учреждать в их обществе все то, что только служит к их благосостоянию».⁴⁴ В другом месте своей книги Горюшкин употребляет выражение, что новгородцы «согласились общим договором» сыскать себе князя.⁴⁵

Если мы ознакомимся с бывшими тогда в ходу учебниками по русской истории, то увидим, что в них не было и речи о призвании варяжских князей на каких-либо «условиях». Это утверждение о праве государя на царствование лишь в том случае, если его деятельность способствует «благосостоянию» народа, конечно, противоречило концепции самодержавного, самовластного монарха. Горюшкин здесь переключается с А. П. Куницыным, который в своих лицейских лекциях тоже говорил, что «люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния...».⁴⁶ Чрезвычайно интересно, что к выводу о том, что варяжские князья были призваны для того, чтобы свершать все то, что служило к «благосостоянию» народов, Горюшкин приходит в результате очень своеобразного собственного анализа слов летописца: «Поищем себе князя, иже бы володил и рядил по праву». Власть «по праву» вполне могла бы быть осмыслена как утверждение самовластного, не ограниченного ничем управ-

⁴³ Образ Святослава, нарисованный Горюшкиным в его книге, находится в полном соответствии с тем народным представлением о Святославе, о котором говорит Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», полемизируя с А. П. Милюковым: «Вспомним величавый образ Святослава, храброго, деятельного, разделяющего с подданными все труды и недостатки, заботящегося о богатстве земли своей, говорящего: „Не посрамят земли Русския — ляжем костью ту“» (Н. А. Добролюбов, Избранные сочинения, М.—Л., 1947, стр. 35). Образ Святослава, созданный Горюшкиным, предвосхитил Святослава, героя «Думы» Рылеева, смелого воина, защитника Родины, у которого нет своекорыстных интересов, так как он живет единой жизнью с народом.

⁴⁴ З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законодательства, переплет I, стр. 10. — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

⁴⁵ Там же, стр. 47.

⁴⁶ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 634.

ления, но совсем не так понимает слова летописца Горюшкин. Вот как раскрывает он смысл этих слов:

1. *Володеть* или *владеть*, есть не что иное, как *вольно*, *властно* или *свободно* делать.

2. Через слово *ряд* означалось тогда *учиненное* о чем-либо *основательное* или *твердое* постановление. . .

3. *Право* прежде и ныне *приемлется* *знаменованьем* таких наших *деяний*, которые *учинены* быть *должны* так, как *онье* сделать *возможным* по *закону* признается.

Из сего явствует, что обитавшие тогда в России народы положили *призываемым* ими *вручить* над собою *право*, *постановлять* или *учреждать* в их *обществе* *все* то, что *только* *служит* к их *благосостоянию*, и *делать* оное *вольно*. . .⁴⁷

Я не хочу совершенно утверждать, что декабрист Никита Муравьев не мог сам понять смысла слов летописца точно так же, как их понял Горюшкин, но вполне вероятно, что автор «Проекта Конституции» был знаком с «Руководством к познанию российского законоискусства» и, быть может, книга Горюшкина и натолкнула его на какие-либо соображения. Во всяком случае, не могу не привести одного места из распространеннейшей до восстания 14 декабря 1825 года прокламации Никиты Муравьева «Любопытный разговор», в которой дается такое же точно осмысление слов летописца, какое мы находим у Горюшкина:

В. Кто же установил и государей самовластных?

О. Никто. Отцы наши говорили: *поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластью, своевольству и прихотям*. Но государи мало-помалу всяким обманом присвоили себе *власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому*.⁴⁸

Так декабристы в агитационных целях использовали летописные документы.

Большой заслугой Горюшкина является то, что он первый в России показал источник юриспруденции в нравах, обычаях и пословицах русского народа. Он отмечал, что юридические пословицы являются остатками первобытного права. Это обращение Горюшкина к народному творчеству чрезвычайно знаменательно и служит как доказательством его демократических устремлений, так и близости его основных принципиальных установок к некоторым основополагающим принципам деятель-

⁴⁷ З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 10.

⁴⁸ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 331.

ности виднейших писателей русского просвещения, в частности Новикова.⁴⁹ Насколько большое значение придает Горюшкин народной мудрости, воплощенной в пословице, слову народа, можно судить по тому, что он считал даже возможным пословицы, обобщение народного опыта приравнять к закону. Потому-то в «Описаниях судебных действий» очень часто, при решении какого-либо дела, судья предлагает заседателям опираться в своих решениях на народную мудрость.

Если мы вспомним, что Горюшкин не считал возможным приравнять к закону любое повеление государя, а пословицы безоговорочно называет словесными законами, так как видит в них «истину, опровержению не подверженную», то это, конечно, лишнее свидетельство его демократических симпатий.

Не все пословицы, рассматриваемые в книгах Горюшкина, являются воплощением подлинно народной мудрости. Он сам говорит, что берет пословицы из имеющихся печатных сборников, и следовательно, в ряде случаев — это пословицы уже подправленные. Но нам кажется, что в данном случае важен главный принцип — желание опираться в своих суждениях на опыт народа.

В «Руководстве к познанию российского законоискусства» Горюшкин «для примера» сообщает целый ряд пословиц. Они главным образом касаются вопросов морали, поведения человека в общежитии. Но одна пословица, приведенная Горюшкиным, носит четкий социальный оттенок, в ней нашла отражение тяжелая участь крестьянства:

С одного де-скасть вола
По две кожи не дерут;
С одного де-скасть тягла
По две дани не берут.

Пословицу эту читатель мог осмыслить двояко. Ее можно было прочесть и как утверждение того, что, действительно, в помещичьей практике нет чрезмерной эксплуатации крестьян, с которых не берут двух даней, так как это противоречит здравому смыслу, но можно было ее прочесть и по-иному — как пожелание того, чтобы помещики чрезмерно не отягощали своих крестьян, как обращение к жестоким помещикам, как увещание их.

⁴⁹ Об отношении Новикова к народному творчеству см. в книге Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в М.—Л., 1951, стр. 250, 268, 269, 463 и др.

Идея патриотического воспитания юношества была одной из главных идей Н. И. Новикова. Рассматривая трехтомное «Описание судебных действий», созданное на основе занятий Горюшкина с воспитанниками Московского университетского пансиона, мы видим, что центральной задачей, которую ставил перед собой профессор российского законоискусства, было воспитание в своих слушателях истинного патриотизма. Он внушал юношам, что недостойно русского человека «быть странником» в отечестве своем, не думать о его благе, о благе народа. Он выступал против себялюбия, говоря об обязанностях человека по отношению к обществу и своим согражданам, «соближним». Взгляд этот на обязанности человека по отношению к обществу характерен для русских просветителей. Против эгоизма себялюбца выступали и Фонвизин, и Новиков, и Крылов. Критиковал «самственность» и Радищев. Понимание общественных обязанностей человека, свойственное Горюшкину, определяет и тот смысл, который он вкладывает в понятие служения отечеству. Служение отечеству, в его понимании, — это неуклонное исполнение своего общественного долга, который заключается в том, чтобы избавлять обиженного от руки неправедного, «защищать вольность и честь, сохранять жизнь и отдавать каждому ему принадлежащее».⁵⁰ Горюшкин создает в своей книге идеальный образ судьи-гражданина, беспристрастного законодателя, который выше всего ставит «общую пользу». Этот образ неподкупного служителя закона, причем подкрепленный собственной практикой Горюшкина, на наш взгляд, должен был иметь несомненное значение для выработки декабристами их идеалов. Ф. Л. Морощкин говорил о большой популярности книг Горюшкина у юристов-практиков;⁵¹ подтверждением правильности слов Морощкина служат переиздания «Описаний судебных действий».⁵²

⁵⁰ З. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. I. М., 1805, стр. 12—13. Сравним эти задачи, которые ставит Горюшкин перед «истинным сыном отечества», действующим на благо отечества на законодательном поприще, с тем, что скажет впоследствии о «правосудии» декабрист А. И. Якубович, кстати, учившийся в Московском университетском пансионе: «... не правосудие, а лихоимство заседает в судилищах, где не защищается жизнь, честь и состояние гражданина, но продают за золото или другие выгоды пристрастные решения...» (Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 77).

⁵¹ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 234.

⁵² Первая часть «Описаний судебных действий» вышла в 1805 году, уже в 1807 году появилось 2-е издание 1-й части; вторая часть, появившаяся в 1808 году, была переиздана в 1815 году. Дополнение ко второй части «Описаний судебных действий», т. е. фактически третья часть, вышло

Приняв решение служить отечеству в качестве судей, И. И. Пущин и К. Ф. Рылеев не могли пройти мимо книг Горюшкина. Когда прочтешь «Описание судебных действий», начинает казаться, что практическая судебная деятельность Пущина и Рылеева была как бы прямым ответом на те задачи, которые Горюшкин поставил в своих книгах перед честными русскими людьми. То, что говорит Пущин в своих показаниях о своей деятельности на судебном поприще, кажется цитатой из книг Горюшкина. Как и Горюшкин, Пущин придает громадное значение правильности решения дела в низовой судебной инстанции, «которое трудно, а иногда уже и невозможно поправить в высшем присутственном месте».⁵³

Конечно, сама русская действительность заставляла задумываться над одними и теми же вопросами передовых русских людей, мечтавших об улучшении жизни русского народа, как на грани XVIII и XIX веков, так и в первой четверти XIX века. Однако несомненно также и прямое знакомство Пущина с работами Горюшкина. Бывший военный, приняв решение выступить на новом поприще, не мог не ознакомиться, прежде всего, с существовавшей тогда юридической литературой. А «Описания судебных действий» Горюшкина, пользовавшиеся громадным распространением среди русских юристов-практиков, были самым лучшим и самым важным пособием для начинающего судебного деятеля. Именно в книгах Горюшкина были даны образцы конкретных судебных решений, и потому они могли служить настоящим руководством в работе, причем руководством отнюдь не только справочного характера.

Своим лекциям Горюшкин давал драматическую форму, его класс представлял присутствие, в котором производился суд, и ученики выполняли роли судебных чиновников. Все это передано им в его «Описаниях судебных действий». Можно предположить, что Горюшкин драматизировал свои лекции, прежде всего, с целью повысить нравственное воздействие занятий по юриспруденции на своих учеников. Ставя перед собой высокую задачу воспитания «истинных сынов отечества», он, очевидно, учитывал большую воспитательную роль театра, бывшего, по

в 1808 году, а в «Опыте российской библиографии» Сопикова за № 7738 мы находим указание на второе издание «Дополнения» в 1809 году. Ряд «судебных действий» были изданы отдельными брошюрами.

⁵³ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 397. Можно сравнить с этим мнением Пущина то, что говорит Горюшкин в своем «Кратком рассуждении о нужде всеобщего знания российского практического законодательства» (З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. V).

мнению всех русских просветителей, «школой нравов».⁵⁴ Доказательством того, какое значение Горюшкин придавал театру, служит и то, что он даже у себя в доме создал небольшой театр.⁵⁵

Театрализованная форма «Судебных действий» поставила перед Горюшкиным некоторые задачи литературного порядка. Он пытался наметить, в известной мере, характеры судьи и заседателей, индивидуализировать язык тяжущихся, стремился к тому, чтобы придать, зачастую, их диалогам характер живой речи. Вот, например, образец речи мещанина Проторгуева, которому в суде показывают вексель, подписанный под его руку: «Экая причина! И сходно точь в точь как моя рука... Сроду, батюшка, эдакой диковинки не видывал и не слыхивал».⁵⁶ С другой стороны, весь возвышенный строй речи судьи или младшего заседателя напоминает нам речь героев Фонвизина — Стародума и Правдина.

Младший заседатель. ... На что жизнь, когда страдать будет честь того, который, желая в самой точности выполнить долг звания своего, охотно стремился подвергать опасности жизнь, чтобы заслужить честь? ..

Судья. Эти ваши мнения столь основательны, что кажется, всякой честной человек и истинный сын отечества с ними родился.⁵⁷

В данном случае младший заседатель имеет в виду то, что как судья, так и заседатели Добровольского уездного суда (так назван Горюшкиным суд, «заседавший» в стенах пансиона при Московском университете) в прошлом военные. Судья, при открытии суда, в своей речи выражал уверенность в том, что они, защищавшие свое отечество от внешних врагов, будут теперь с таким же самоотвержением защищать родину от злодеев, наносящих ей своими преступлениями урон изнутри, будут бороться против лихоимства, корыстолюбия, всяческих злоупотреблений, утверждать в своих судебных решениях истину.

Этим Горюшкин, несомненно, хочет возвысить звание судейского чиновника, так как в течение долгого времени (до Петровских времен) судейская деятельность считалась постыдной для благородного дворянства. В этом отношении Горюшкин следует

⁵⁴ Интересно, например, мнение о значении театра, высказанное Добролюбовым, героем «Исторического приключения» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.—Л., 1951, журн. «Пустомеля», стр. 259).

⁵⁵ Дневник Ивана Михайловича Снегирева и его воспоминания, II. М., 1905, стр. 291.

⁵⁶ З. А. Горюшкин. Дополнение ко второй части судебных действий. М., 1808, стр. 816—817.

⁵⁷ З. А. Горюшкин. Описания судебных действий, ч. I. М., 1805, стр. 37—38.

за Десницким, который хотел привить российскому юношеству любовь к юриспруденции.

«Описания судебных действий» продолжают обличительную традицию комедий Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», журналов Новикова «Трутень» и «Живописец», а также журналов Крылова, в особенности «Почты духов», в которых обличение взяточничества, криводушия судейских чиновников занимало большое место.

Новиков и Крылов, нападая на порок, вместе с тем, большое внимание уделяли и созданию образов положительных героев, пороку противопоставляли добродетель. Вспомним хотя бы молодого прокурора, который думает, что «все дела надлежит вершить по наукам»,⁵⁸ или третьего просителя мест, который охарактеризован в «Трутне» как «защитник истины, помощатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши»⁵⁹ и т. д. Эта двойная задача, которую преследовали своей литературной деятельностью русские просветители, прямо сформулирована во «Введении» к журналу «Зритель», в котором говорится о праве писателя представлять порок в его гнусности, «а добродетель во всей ее красоте, дабы пленить ею читателя».⁶⁰ Вот этим-то «правом» писателя представлять добродетель во всей ее красоте и пользуется Горюшкин в своих «Описаниях судебных действий», утверждая в них свой положительный идеал.

Такого идеального суда, как Добровольский уездный суд, в России не было. Судебные действия, происходившие в Добровольском уездном суде, — это просветительская утопия, просветительская мечта о победе справедливости, честности. По всей России народ стонал от несправедливых решений, от необходимости давать взятки судьям, от судебной волокиты, а в стенах Московского благородного пансиона заседал образцовый суд, который выносил справедливые, скорые решения.

Отличительной особенностью книги Горюшкина является стремление ее автора подчеркнуть, что, рисуя идеальный судебный процесс, он говорит лишь о желаемом, о том, чего нет и за что надо бороться. Желаемое вступает в противоречие с реально существующим.

В первой части книги содержится много славословий по адресу Екатерины II, которая своим указом о лихоимстве якобы положила предел всем злоупотреблениям. Но при внимательном анализе всех трех частей «Описания судебных действий» стано-

⁵⁸ Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 50.

⁵⁹ Там же, стр. 57.

⁶⁰ «Зритель», СПб., 1792, февраль, стр. 3.

вится ясным, что Горюшкин применяет типичный для XVIII века и для русских просветителей прием, когда «методом борьбы со злом является противопоставление отрицательному явлению положительного, не в качестве идеала, а в качестве якобы реально существующего». ⁶¹

Читая «Описания судебных действий», надо учитывать существующий в них второй план.

Гражданские права и законы судья Добровольского уездного суда (который, очевидно, высказывает взгляды самого Горюшкина) называет теми путями, идя по которым каждый мог бы достичь главной, основной цели — «общего блага». Но, к сожалению, «опыты доказывают», что многие совращаются с этого пути, устремляются против общественного и частного благоденствия. В доказательство этого секретарь суда читает направленный против лихоимства указ Екатерины II, в котором говорится о том, «до какой степени лихоимство возросло». ⁶² Так, в этот идеальный суд, члены которого хотят вершить дела лишь согласно законам, по истине и справедливости, входит сама гнусная российская действительность, мерзость жизни, против которой хочет бороться оружием убеждения, примера, словом честного человека русский законоискусник, профессор Горюшкин.

Судебные заседания, происходившие в Добровольском суде, отнесены Горюшкиным к началу 90-х годов XVIII века, но, вместе с тем, в сносках он дает ряд документов, относящихся уже к царствованию Александра I. Устанавливая, таким образом, преемственную связь между прошлым и настоящим, Горюшкин тем самым, конечно, дает понять своим читателям, что его работа имеет современный адрес, направлена против зла, развешающего судебный аппарат России в настоящем, а не в прошлом. Когда выходили книги Горюшкина — в начале XIX века, в 1805, 1807 годах, — положение оставалось таким же, каким оно было в XVIII веке, так что Горюшкин, конечно, должен был считать, что его труды принесут пользу и в царствование нового монарха.

В первой части «Описания судебных действий» на первых страницах секретарь суда читает указ Екатерины II от 14 декабря 1766 года, в котором она декларирует, что первым ее желанием является увидеть свой народ счастливым.

⁶¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 188.

⁶² Э. А. Горюшкин. Описания судебных действий, ч. I М., 1805, стр. 34, 70.

Но дальше Горюшкин довольно ясно намекает на то, что Екатерина II, несмотря на высказанное ею желание, не сделала свой народ счастливым. Судья характеризует декларацию Екатерины II лишь как «божественное намерение», а старший заседатель прямо говорит: «О! ЕСТЬ ли бы оно всеми упражненными к тому особами было выполняемо, то бы наше отечество не с чем иным сравнить можно, как только с земным раем!». ⁶³

Как известно, сама Екатерина II утверждала, что ее подданные, действительно, живут, как в земном раю, и много говорила о златом веке. Горюшкин же с этим не согласен, и также он не считает, будто златой век воцарился при Александре I. К указу Екатерины II он дает дополнением в сноске и указ Александра I от 21 апреля 1801 года, где тот, подобно своей бабушке, также заявляет, что у него нет иного счастья, кроме счастья его подданных. Но после этого не следует утверждения Горюшкина, чтобы Александру I удалось добиться большего благоденствия подданных, чем его бабушке, Екатерине II. Напротив, скептически-горестное восклицание старшего заседателя о том, что Россия все же не является еще земным раем, всецело относится не только к прошлому, но и к настоящему.

В «Описаниях судебных действий» Горюшкин приводит много примеров несправедливых судебных решений. Как юрист-новатор он выступает, например, против неправильной, по его мнению, русской судебной практики, когда суд в некоторых случаях основывает свое решение на основе лишь «сходства руки», что дает возможность мошенникам, искусно подделавшим подпись на векселе, вымогать у честных людей крупные суммы на основе представления подложного векселя. И если Добровольский уездный суд, выступая против этой неправильной практики, в деле провинциального секретаря Хитрецова, требующего на основании подложного векселя 20 тысяч с капитана Беднякова, становится на сторону капитана Беднякова, то в реальной действительности торжествуют подлецы и мерзавцы. Старший заседатель рассказывает о том, как судом был утвержден подложный вексель, и решение это было принято «за законную правду» и во всех верховных инстанциях. В разделе «О производстве уголовных дел» младший заседатель сообщает об одном трагическом случае, когда какой-то человек простого звания был обвинен в убийстве только потому, что суд не посчитал нужным принять во внимание категорическое отрицание подсудимым его вины и не искал неопровержимых доказательств его винов-

---

⁶³ Там же, стр. 19. — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

ности.⁶⁴ И хотя по прошествии некоторого времени нашелся настоящий убийца, но невинно обвиненный «страдалец», как называет его младший заседатель, не был освобожден и умер через три года на каторге. Этот пример трагической судебной ошибки, рассказанный младшим заседателем в очень живой форме, мог бы вполне занять свое место в журнале Новикова. Вспомним, например, случай, рассказанный в «Трутне» о невинном подрядчике, обвиненном в краже часов. В сущности, Новиков здесь так же, как и Горюшкин, протестовал против процессуальной практики, не принимавшей во внимание отрицание обвиняемым своей вины, а главное, как и Горюшкин, Новиков, в данном случае, выступал в защиту простого человека.

В России в судах царит беззаконие, говорит Горюшкин своей книгой, «златой век» существует лишь в воображении российских монархов.

И весь смысл деятельности членов Добровольского уездного суда и заключается в том, чтобы показать, какими путями должны идти честные люди, «сыны Отечества», если они хотят, чтобы в России воцарился «земной рай». Горюшкин начерчивает целую программу действий для этих честных людей, говоря тем самым о своем неверии в то, чтобы цари могли добиться счастья своих подданных, истребить неправосудие, царящее в России.

Младший заседатель, взгляды которого, подобно взглядам судьи, отражают взгляды самого Горюшкина, указывает членам суда на те пути, которыми они должны прийти к решению стоящей перед ними главной задачи — защиты истинной законности. Увеличивающееся количество спорных дел в судебных местах зависит, говорит младший заседатель, от ряда причин: 1) плохой нравственности, 2) незнания законов, 3) неправосудия в нижних судебных инстанциях, благодаря чему дела переносятся в высшие инстанции.

От первой причины судебных места могут избавляться, если будет «повременно исправляема каждого особливо нравственность». Вторая причина происхождения спорных дел может быть, по мнению младшего заседателя, устранена, если «каждый правилом себе поставит не быть странствующим в отечестве своем, но приобретать будет сведения о законах своей земли и

⁶⁴ В «Описаниях судебных действий» Горюшкин выступает как популяризатор ряда важнейших идей Беккариа. В частности, Горюшкин большое место отводит системе доказательств преступности, основываясь на мысли Беккариа, что чем более тяжко обвинение, тем сильнее должны быть и доказательства.

об образе судопроизводства». ⁶⁵ Наконец, третья причина — не правосудие в нижних судебных местах — может быть уничтожена, если правосудие будет отправляться скоро и беспристрастно.

Эта программа искоренения зла, конечно, очень наивна, потому что единственной гарантией ее выполнения является личная честность, высокие моральные качества всех судейских чиновников. Кроме того, Горюшкин не понимает, что эти идеальные честные чиновники мало что могли бы сделать в крепостническом государстве XVIII века.

В данном случае Горюшкину, как и всем просветителям XVIII века, присуща ограниченность при решении социальных проблем. Но, заблуждаясь, он был предельно честен в своих побуждениях и в своей собственной практике, примером которой служит хотя бы его борьба с Прозоровским по делу книгопродавцев. Он сам являл образец такого просвещенного, беспристрастного юриста, которые были нужны России и которых он хотел воспитать. Если стать на точку зрения самого Горюшкина, то программа действия, которую он предлагает передовым русским людям, привлекательна своей конкретностью. Горюшкин призывает русских дворян к активной борьбе со злом и намечает для них совершенно конкретный путь борьбы.

Страстный пропагандист юридического образования, рассматривая его как действенное средство борьбы с беззаконием, Горюшкин ставил перед собой задачи: 1) воспитать просвещенных юристов в стенах пансиона при университете и в самом университете и 2) пропагандировать свои взгляды путем издания своих книг.

Нельзя отказать этому замыслу Горюшкина в широте и размахе. Смысл всей деятельности членов Добровольского суда, прежде всего, заключался в том, что они стояли на страже интересов людей небогатых и нечиновных.

Следуя литературному закону классицизма, Горюшкин наделяет тяжущихся фамилиями, которые сразу показывают главную их черту. Мы встречаем у Горюшкина, с одной стороны: Прижимкова, Спорова, Умыслова, Выгодова, Своенравова, Прибиралова, Своемыслова, Хитрецова, а с другой стороны: Свободина, Беднякова, Рассудова, Верина, Безроднова, Печалина, Правдина. Симпатии членов суда всегда на стороне положительных героев, добропорядочность которых заранее охарактеризо-

⁶⁵ З. А. Горюшкин. Описания судебных действий. Дополнение ко второй части. М., 1808, стр. 730. Характерно, что Радищев одной из причин произвола, продажности судей, беззакония, царящего в России, считал отсутствие в России настоящего юридического образования.

вана их фамилиями. Эти положительные герои — бедные и нечиновные люди, часто военные, и именно такие люди близки по духу членам суда.

Горюшкин показывает в своей книге, что деятельность членов Добровольского суда находит горячую поддержку у этих людей, представителей передовых кругов дворянства. Очевидно, этим Горюшкин хочет сказать, что лагерь передовых людей не так уж малочислен. Подобно членам Добровольского суда, верит в силу закона и видит во всяком судье защитника истины и исполнителя закона капитан Правдин. Тех же взглядов придерживается и проситель Рассудов, который считает, что судебные решения должны быть только беспристрастными и нелицеприятными. Его идеалы — это идеалы судьи и младшего заседателя. Одним из представителей передового лагеря является и полковник Печалин. Несмотря на свое умеренное состояние, он, понимая великую пользу «воспитания», живя сам умеренно, ничего не жалел для того, чтобы сын его стал просвещенным человеком, и воспитал его «в нравственности и познаниях». Печалину присуща характерная для всех «новых» людей горячая вера в необходимость просвещения.

Знаменательна фамилия младшего заседателя — Добромыслов. Ему должны быть, конечно, близки Печалин и Правдин, — это представители одного с ним лагеря, лагеря передовых людей. Горюшкин проводит четкое различие между представителями разных лагерей, хотя все они, как те, так и другие, дворяне. Несмотря на то, что судья дает очень высокую оценку тем качествам, которые характеризуют, казалось бы, все дворянство в целом, на поверку оказывается, что бывают разные дворяне. Горюшкин показывает неприглядные действия многих из них. Например, проситель Нерасторопов заключил купчую с Умысловым на продажу своего имения. Умыслов купчую взял, а денег Нерасторопову не отдал. Хочет оставить своих детей в нищете титулярный советник Прибиралов, воспользовавшись завещанием своей жены, согласно которому она все свое состояние завещала мужу, минуя детей.

Против таких-то корыстолюбцев, бесчестных дворян и выступают члены суда. Таким образом, Горюшкин показывает, что «благородство» происхождения отнюдь не влечет за собой непременно благородства поступков. А представление, будто только дворяне в своих поступках руководствуются честью, долгом, истинно благородны, в отличие от представителей «подлого» народа — простых людей, было одним из основополагающих принципов сословно-дворянской морали. И, показывая подлость поступков дворян, Горюшкин действовал в том же направлении,

что и Фонвизин, разоблачавший гнусность и подлость «благородных» Простаковых и Скотининых, или Новиков, который рекомендовал дворянину «всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином», и говорил, что «знатная порода... всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами».⁶⁶

По мнению Горюшкина, передовым дворянам, истинным сынам отечества, должны быть присущи «любовь к отечеству, благу общему, усердие и труд». Эта точка зрения также в значительной мере противостоит крепостническо-дворянской психологии. Не любовь к государю, а любовь к отечеству и благу общему является первейшей чертой дворянства, по мнению Горюшкина. Интересно, что в одном деле, которое решает Добровольский суд, ходатаем за своего хозяина — его поверенным — выступает простой человек, крепостной, его слуга, по фамилии Усердов. Горюшкин наделил его такой фамилией, очевидно, потому, что считал «усердие» наиболее характерным свойством представителей низшего сословия.

Призывая членов суда к тому, чтобы в их сердцах поселилось усердие к точному и нелицемерному отправлению должности, судья резко осуждает тех дворян, которые праздно проводят время «в роскоши и во всяких иных пороках, нравы развращающих».⁶⁷

Трудолюбие, усердие, проявляемые при исполнении своих обязанностей, — качества, присущие простым людям, противостоят лени, распущенности, праздности большинства дворянства, и Горюшкин хочет, чтобы замечательные черты, характеризующие простых людей, стали принадлежностью дворянства. В этом отношении его взгляды соприкасаются со взглядами Новикова.

Все черты, отличающие истинных сынов Отечества, — любовь к Родине, ко благу общему, трудолюбие, ревностное исполнение своего долга, высокая добродетель, — присущи членам Добровольского суда. Помимо этих общих черт, Горюшкин наделяет их индивидуальными качествами. Судья выступает в роли «учителя жизни», человека, который обобщает жизненные наблюдения, сопоставляя отдельные факты, делает далеко идущие выводы о высоких, возвышенных задачах, которые стоят

⁶⁶ Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 131—136

⁶⁷ Э. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. I. М., 1807, стр. 207.

перед людьми, посвятившими свою жизнь борьбе за справедливость. Младший заседатель — мыслящий человек, который ненавидит формализм и всегда находит оригинальные решения, вдумчиво и творчески подходя к каждому делу. Он зачастую предлагает решения, опрокидывающие старые нормы, хотя и придает этому вид лишь наилучшего постижения сути этих существующих норм: «Имея случай входить подробно в узаконения, убежденным нахожусь мыслить то, о чем другим прежде меня бывшим, не было угодно».⁶⁸ Младший заседатель в первую очередь основывает свои суждения на здравом смысле народа, а также зачастую и на законе природы, естественном законе, который, конечно, вступает порою в противоречие с формально понятым законом, мертвою буквою закона.

Многие решения, принятые в Добровольском уездном суде, могут быть названы новаторскими. Остановимся на одном из них.

Одной из главных черт, характеризующих русских просветителей, является их ненависть к крепостному праву. Прямых высказываний Горюшкина, осуждающих институт крепостного права в целом, в его книгах нет, что объясняется и цензурными условиями. Тем не менее ряд моментов дает возможность говорить о том, что Горюшкин, очевидно, относился отрицательно к крепостному праву и, во всяком случае, несомненно, стоял за его ограничение и с сочувствием относился к стремлению русского крестьянства к освобождению от гнета.

Показательным в этом отношении является решение по делу Сидора Фомина, которое принимается в Добровольском суде.

Полковник Свободин (характерна его фамилия), умирая, устно завещал, при духовнике, своей жене отпустить на волю своего дворового человека Фомина вместе со всей его семьей. На основании этого устного завещания Фомин и просит отпустить его с семейством «вечно от рабства». Проситель основывает свою просьбу на статье 14-й главы XX Уложения и на указе от 1699 года, в соответствии с которыми дворовым людям велено давать отпускные из судебных мест по допросу их духовных отцов.

Это прошение Фомина вызывает интерес у членов суда:

Судья. . . дело это кажется для нас ново.

Старший. Да и так-то ново, что едва ли запомнят и Архивы Судебных Мест.⁶⁹

⁶⁸ Там же. Дополнение ко второй части, стр. 658.

⁶⁹ Там же, стр. 702.

Вслед за Фоминым появляется другой проситель — племянник покойного полковника Свободина и его наследник, титулярный советник Споров; он в свою очередь подает прошение, в котором утверждает, что дворовый человек Фомин «несправедливо просит... об увольнении его с семейством от рабства», так как данная статья Уложения, относится только к кабальным людям, которые находятся в крепостной зависимости только при жизни своих господ и освобождаются после их смерти (кроме того, все изузные завещания должны быть записаны в Приказе в два месяца, иначе теряют силу). Споров просит членов суда отнестись к его делу со вниманием, тем более, что «это дело необыкновенное».⁷⁰

Вряд ли можно сомневаться в том, что современный Горюшкину суд в данной ситуации, конечно, решил бы дело в пользу Спорова. Как известно, еще в Комиссии по составлению нового Уложения крестьянские депутаты выступали с гневным протестом против сословного характера суда в России, жалуясь на то, что крестьянин не может найти защиты в суде, так как там заседают дворяне. И хотя здесь, с одной стороны, выступал дворянин Споров, а с другой — крестьянин, который основывал свою просьбу на духовном завещании тоже дворянина — полковника Свободина, но все же именно крестьянин являлся одной из юридических сторон. А главное, вопрос касался основных устоев самодержавного государства — института крепостного права, непререкаемой власти помещиков. Вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости, даже если он исходил от самих дворян, рассматривался вообще как «опасный», несмотря на всю видимость «либерализма» Александра I.

Царское правительство ведь не разрешило декабристу И. Д. Якушкину освободить своих крестьян от крепостной зависимости, мотивируя это тем, что он намерен был освободить их без земли. Дело было, конечно, не в «заботе» царского правительства о судьбе якушкинских крестьян, а в том, что подобный случай мог бы послужить «опасным» примером.

Поэтому исход дела Фомина был, конечно, необычным для того времени и говорил о демократических симпатиях Горюшкина. Защитив фактически интересы крестьянина, члены Добровольского суда доказали, что не декларацией было принятое ими в начале работы решение — судить, невзирая на лица «сильных».

---

⁷⁰ Там же, стр. 705.

В сложном деле Фомина, как всегда, новатором выступает младший заседатель, причем Горюшкин просто подчеркивает его желание добиться свободы крестьянской семьи.

Возникает спор. Старший заседатель отстаивает более консервативную точку зрения, и когда он приводит, казалось бы, очень убедительные доказательства невозможности решения дела в пользу Фомина, то Горюшкин специальной ремаркой («с некоторым замешательством») подчеркивает огорчение младшего заседателя. Наконец последний находит остроумное, оригинальное доказательство своей правоты. В статье 14-й главы XX Уложения, действительно, имеются в виду только кабальные, но так как кабальных в России нет, то и относящиеся к ним законы не могут служить основанием для решения дел, — утверждает младший заседатель. С другой стороны, согласно 53-й статье XX главы Уложения, помещики имеют право отпускать своих крепостных на волю или сами при жизни, или же могут доверять это кому-либо другому, хотя бы приказчикам, причем приказание об отпуске на волю может быть словесным. Суд приводит еще ряд доказательств неправоты Спорова и отказывает ему в его просьбе.

Решение, которое дает Горюшкин по делу Фомина, является, по существу, выступлением против сословного характера суда в самодержавно-крепостнической России. Оно говорит нам также о сочувственном отношении Горюшкина к стремлению крепостного крестьянина обрести свободу.

Во второй части «Описания судебных действий» есть еще одно выразительное место, также характеризующее отношение Горюшкина к этому вопросу.

Во время четвертого дня заседания секретарь суда читает указ от августа 1737 года о пресечении побегов крестьян и дворовых людей. В указе говорится о том, как «люди и крестьяне» некоторых помещиков покупают земли на их имя в разных отдаленных местах «и на тех не только сами селятся, но и другим крестьянам к побегу и к поселению повод подают».⁷¹ Об этих побегам помещики часто узнают лишь через многие годы, но возвратить беглых «для великих убытков» не могут и потому вынуждены бывают довольствоваться лишь взятым с них малым оброком.

В своем «Руководстве» Горюшкин приводит указы, запрещающие крестьянам совершать покупки земель на имя помещиков.

⁷¹ З. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. II. М., 1815, стр. 149, 150.

Побеги крестьян от помещиков были выражением их протеста против угнетения, и характерно, что Горюшкин специально касается этой острой темы. В данном случае крестьяне прямо нарушают закон, обходят его и потому, казалось бы, что судья, являющийся строгим стражем закона, должен был бы по прочтении этого указа о беглых крестьянах строго осудить своевольство крестьян. Но судья ограничивается лишь одной репликой, чрезвычайно выразительной: «И немудреные люди выдумали для своей вольности замысловато».⁷² Таким образом, судья не только не осуждает крестьян, но, наоборот, относится с явным сочувствием к проявленной ими находчивости, к присущей русским людям смекалке.

Хотя крестьяне, убежавшие от помещика, юридически оставались крепостными, но чувствовали они себя свободными людьми, находясь от помещика на таком далеком расстоянии, что он их даже и вернуть не мог из-за «больших убытков». Кроме того, если иногда помещики и узнавали о том, что их крестьяне живут на отдаленных от них землях, лишь через «многие годы», то ведь бывали случаи, когда они вовсе об этом не узнавали. Если же и проводывал помещик о крестьянах, то положение оброчного, да еще находившегося так далеко от помещика, все же было неизмеримо легче, чем положение крестьянина, надрывавшегося на барщине.

Учитывая то, что из беглых же формировались ряды воинов Стеньки Разина, Пугачева, трудно сказать более определенно о сочувствии к крестьянам, самовольно вставшим на путь освобождения от рабства. Думается, что на основе скупой, но очень выразительной реплики судьи, можно утверждать, что судья (устаи которого говорит сам Горюшкин) признает право народа на обход закона, на нарушение его во имя своей свободы и с сочувствием относится к желанию крепостного крестьянства освободиться от ненавистного рабства.

Образ угнетенного народа встает перед нами, когда мы перелистываем страницы книги Горюшкина.

Как бы невзначай говорит, например, о бедности крестьян младший заседатель, разбирая дело полковника Фомина: «Деревни не на выгодных местах, крестьяне бедные, а у иных земель и прочих угодий менее, нежели у других».⁷³

Ярким свидетельством глубокого сочувствия Горюшкина к простым людям — крестьянам, а также ко всем представителям «среднего» и «нижнего» рода людей — мещанам, «казакам и

⁷² Там же, стр. 150.

⁷³ Там же, стр. 468.

пушкарям и затинщикам, служилым и тяглым всяким людям» — является раздел книги, касающийся «правежа исков и пошлин по судным делам», законов о неисправных плательщиках и особый раздел «О производстве уголовных дел».

О глубоком сочувствии Горюшкина к миллионам «безгласных» говорит и его «Руководство к познанию российского законоискусства».

Характер этого труда, конечно, ограничивал Горюшкина в возможности прямого высказывания своей точки зрения. Поэтому, только очень внимательно вчитываясь в эту книгу, можно понять, что, излагая или цитируя бесчисленные указы и законы Российской империи, сам Горюшкин относится к ним отнюдь не бесстрастно.

Чтобы показать истинное свое отношение к ряду вопросов, Горюшкин использует все приемы просветительского «эзоповского» языка. Легальную возможность критики дает ему в первую очередь применяемый им исторический метод. В этом отношении, например, очень интересен подбор указов в IV томе «Руководства», касающийся власти государя. Вслед за европейскими юристами Горюшкин считал, что государь имеет: 1) власть законодательную, 2) власть защитительную, 3) власть совершительную и что власть его «во всем оном наследственная».

Под властью «защитительной» Горюшкин подразумевает право государя «защищать своих подданных от обид и утеснений». В свете такого понимания воспринимается в качестве метода легальной критики деспотизма российского самодержца то, что Горюшкин именно в раздел «защитительной» власти включает все указы, запрещающие подданным русского царя подавать жалобы лично государю, минуя определенные инстанции. Русские цари приказывали бить батогами, кнутом своих дорогих подданных, осмелившихся «утруждать» лично царя жалобами о своих горестях. Скрупулезным подбором всех этих указов, даваемых в исторической последовательности, Горюшкин создает убийственно-иронический портрет «благостного» монарха, «защищающего» своих подданных от обид и утеснений страшными наказаниями. Самые сильные кары, конечно, выпадают на долю «неблагородных» — плети, каторга, вечная ссылка в Сибирь.

Цитируя закон или указ, Горюшкин сбоку страницы дает мелким шрифтом от себя как бы экстракт данного указа, его основную сущность. Нужно отметить как определенную тенден-

цию Горюшкина, что если он цитирует указ, определяющий отношение какого-либо должностного лица к крестьянам, рекрутам, людям простого звания, то непременно как самое главное он выделит мелким шрифтом все то, что говорит о необходимости гуманного обращения с народом, о необходимости защищать его интересы, ограждать его от насилий, злоупотреблений. Чтобы подчеркнуть нужную ему мысль, Горюшкин иногда заменяет слова указа своими собственными. В т. III своей книги, например, говоря об обязанностях государева наместника, Горюшкин приводит данный смоленскому и псковскому генерал-губернатору указ, который заканчивается словами: «... чтобы под видом сего никому притеснения или других злоупотреблений не происходило».

Горюшкин на полях формулирует главную суть этого указа следующим образом: «Чтоб крестьянам притеснения не было», заменяя слово «никому» словом «крестьянам».

Своим «Руководством», так же как и «Описаниями судебных действий», Горюшкин отстаивает в первую очередь интересы «безгласных» перед законом.

Декабристы, выступая против крепостного права, стремились, прежде всего, доказать ложность концепции об извечности его существования.

Задолго до них Горюшкин в своем «Руководстве» подчеркивает различие, существовавшее между холопами и крестьянами, говорит о том, что исторически крепостное право не извечно, предвосхищая в этом вопросе точку зрения декабристской историографии.

При лаконизме стиля «Руководства» обращает на себя внимание то, как Горюшкин, останавливаясь на различии между холопами и крестьянами дважды повторяет слова «что принадлежит до крестьян», тем самым специально фиксируя внимание своих читателей на важности этого различия.

Задавая вопрос: «Какого рода люди могли быть вечными рабами?», Горюшкин делит их на две категории. В первую категорию, т. е. людей, ставших рабами «по собственному их желанию», он включает, в первую очередь холопов, которые сами себя продавали.⁷⁴ Во вторую же категорию людей, ставших вечными рабами, как пишет Горюшкин, «без желания», он включает крестьян.⁷⁵ Трудно сказать более ясно о том, что крепост-

⁷⁴ Горюшкин не раскрывает того, почему они вынуждены были сами себя продавать, но дает возможность предполагать, что он догадывался об экономических основах этого «добровольного» рабства.

⁷⁵ З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 275.

ная зависимость крестьян была результатом насилия со стороны царского самодержавия.

Можно предположить, что если бы том I «Руководства» был издан не в 1811 году, а, допустим, в 1819 году, и попал в руки Магницкого, то ряд положений книги мог бы вызвать столь же негодующие замечания Магницкого, как те, какими он сопроводил «Статистику Российского государства» К. И. Арсеньева. В частности, в своей «Статистике» Арсеньев, подобно Горюшкину, останавливается на различиях, существовавших между холопами и крестьянами, отмечая, что «крестьяне были все вольные, начиная с самых древних времен» до известного момента. «Опасное объявление в печатной книге», — заметил по этому поводу Магницкий.⁷⁶ Такое же опасное объявление было сделано юристом Горюшкиным за несколько лет до Арсеньева.

В разделах книги Горюшкина, в которых он рассматривает взаимоотношения между помещиками и крестьянами, он внимательно подбирает все законы и указы, хотя бы как-то ограничивающие, по существу, неограниченную власть помещиков по отношению к крестьянам. Это — указы и законы, запрещающие «бить и мучить» подданных своих, «разорять деревни наложением на людей и крестьян несносных тягостей», указы, запрещающие «тиранство и жестокость» господ, запрещающие помещикам принуждать крестьян к бракосочетанию без их желания, и тому подобное. В томе IV «Руководства» он группирует все указы, касающиеся прав крестьянства в их исторической последовательности, приводя, в частности, и указ Павла I о работе крестьян на помещика три дня в неделю. Горюшкин особо настаивает на праве крестьян жаловаться на помещиков. Характерно, что в томе I «Руководства» он не приводит указа Екатерины II, запретившей крестьянам жаловаться, а напротив, цитируя Кормчую книгу и говоря просто от себя, все время возвращается к праву крестьян жаловаться.

Довольно подробно останавливается Горюшкин и на обязанностях помещиков по отношению к своим крестьянам. Интересно, что обязанность помещиков кормить своих крестьян, особенно во время голода, строить для них житницы, снабжать их семенами Горюшкин выводит из права естественного, одним из разделов которого он считает «право жизни», в которое и входит «право снискания пропитания».

Общеизвестна та громадная помощь крестьянам во время голода, которую оказывал крестьянам Новиков, а потом декаб-

⁷⁶ Выписки из «Статистики Российского государства», составленной адъюнктом проф. Главного педагогического института Арсеньевым... и замечания на нее Магницкого. Сб. ОРЯС, т. IX, СПб., 1872, стр. 75.

ристы. Так действовали именно передовые люди своего времени, но это отнюдь не было общим правилом. Горюшкин хочет подобного рода исключения узаконить.

В силу того, что в российском феодально-крепостническом законодательстве фактически не было ни одного закона, отражавшего право на освобождение от крепостной зависимости, у Горюшкина последнее освещено довольно своеобразно: в разделе «О потере господского права» он приводит один любопытный пункт. Оказывается, когда крестьянин известит господина своего «о намерении к убийству его», то тогда, согласно Кормчей книге, он должен принять «свобождение яко возмездие». Конечно, Горюшкин сам понимал, что подобные пути освобождения крестьянина могли возникнуть лишь как редкое исключение.

Есть и другое, не менее выразительное место, которое говорит нам о признании Горюшкиным права крестьян на освобождение от крепостного рабства и, вместе с тем, свидетельствует о беспомощности его в поисках соответствующего закона. Одной из «обязанностей господ» по отношению к крепостным крестьянам по Горюшкину является следующее: «Отпускать рабов вечно на волю: I. За усердные услуги без земли. II. И с землею по договору с ними».

Горюшкин основывается на главе 20-й статьи 14-й Уложения, на указе от 1 февраля 1700 года и, очевидно, в поисках обобщающего положения, которое могло бы иметь особый вес, цитирует главу 7-ю, стих 23-й Книги Сирах: «...и не лиши его свободы».⁷⁷

В каждом из четырех томов «Руководства», в той или иной мере, отражено положение крестьянства. Книги Горюшкина, человека, благодаря своей профессии юриста близко соприкасавшегося с жизнью народа, дают богатейший материал для характеристики горестной участи людей «нижнего рода» XVIII и XIX века в России. И пафос книги российского законоискусника заключается в том, чтобы сказать миллионам этих «бесщастных» и бесправных, что у них все же есть хоть какие-то права, о которых они должны знать. В томе IV «Руководства», утверждая, что личное право всех вообще граждан состоит «в равенстве, вольности и безопасности», Горюшкин разъясняет, как он понимает требование равенства: «Воспреещение богатым и знатым удручать бедных и низкого состояния людей».⁷⁸

⁷⁷ Э. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 200, 202.

⁷⁸ Там же, переплет IV, стр. 2181.

Именно в этом и был главный смысл всей деятельности русского законоискусника.

Не будучи революционером, Горюшкин не мог понять, что при самодержавно-крепостническом строе — строе угнетения и насилия, одно наличие, пусть даже незыблемых, законов не могло дать счастья народу, и не потому только что, прежде всего, не было гарантии их выполнения, но и в силу того, что эти законы были выражением самой системы крепостнической эксплуатации.

Том IV «Руководства к познанию российского законоискусства» вышел в 1816 году, в том году, когда возникло первое тайное общество. Отныне представители новой России будут говорить о цареубийстве, о республике, о полном преобразовании российского законодательства. И хотя в программе декабристов, в частности по вопросам судебной реформы, мы и находим отдельные моменты, близкие тому, о чем мечтал Горюшкин, но в целом, конечно, декабристы пошли значительно дальше его. Но рассматривая идейные предпосылки декабристского движения, мы не вправе обойти молчанием гигантский труд одного из учителей первых борцов против самодержавия — декабристов — профессора Московского университета, русского ученого Захария Горюшкина.
